

Светлана М. Толстая

Институт славяноведения Российской академии наук
smtolstaya@yandex.ru

Svetlana Tolstaya

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
smtolstaya@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ СИНОНИМИИ В ПРАСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ

ON THE PROBLEM OF SYNONYMY IN THE PROTO-SLAVIC VOCABULARY

Статья посвящена теоретическим и практическим вопросам изучения синонимии праславянской лексики, реконструируемой в *Этимологическом словаре славянских языков*. Известный словарь избранных индоевропейских синонимов К. Д. Бака включает материал славянских языков неполно (не все языки и только их литературные варианты), но даже и он позволяет сделать некоторые заключения о явлении синонимии в славянских языках. На нескольких примерах (синонимические ряды глаголов речи, лексика со значением 'любить, любовь', 'искать', 'кормить', 'ошибка, ошибаться') в статье показаны возможности интерпретации синонимических рядов с использованием понятий и приемов современной семантики и семантической реконструкции.

Ключевые слова: славянские языки, праславянский язык, лексика, семантика, синонимия, семантическая реконструкция, этимология, этимологическое гнездо, лексическая типология.

The article is devoted to the theoretical and practical issues of studying the synonymy of the Proto-Slavic vocabulary, reconstructed in the *Etymological Dictionary of Slavic Languages*. The well-known dictionary of selected Indo-European synonyms by C. D. Buck includes the material of the Slavic languages incompletely (not all languages and only their literary variants), but even it allows us to draw some conclusions about the phenomenon of synonymy in the Slavic languages. Using several examples (synonymic series of speech verbs, vocabulary with the meaning 'to love,' to seek', 'to feed', 'mistake'), the article shows the possibilities of interpreting synonymic series using the concepts and techniques of modern semantics and semantic reconstruction.

Keywords: Proto-Slavic language, vocabulary, semantics, synonymy, synonymic series, etymology, semantic reconstruction, lexical typology.

1. Понятие синонимии применительно к праславянской лексике

Праславянский лексикон, каким он предстает, например, в *Этимологическом словаре славянских языков* (ЭССЯ), не является лексико-семантической системой в том понимании, какое предписывается теоретической семантикой, строго ориентированной на системные отношения в лексике одного языка. По выражению создателя этого словаря акад. О. Н. Трубачева, «не нужно ждать от словаря отражения системы языка» (Трубачев 2004: 445). Тем не менее, многие исследователи, в том числе и сам О. Н. Трубачев, не раз обращались к проблемам омонимии, многозначности и (в меньшей степени) синонимии праславянской лексики. Действительно, набор значений, приводимый в ЭССЯ для каждого слова, отражает системность семантических отношений между словами совсем в другом смысле, чем словарь любого современного славянского языка. Если какие-то слова имеют совпадающие значения в перечне значений, приводимых в словарных статьях праславянского словаря, то это еще не значит, что они были синонимами в праславянском языке. Эти совпадающие значения могут быть вторичными, т. е. возникшими позже, в результате процессов семантической деривации, или они могут быть ареально разграниченными, приуроченными к разным территориям, и потому не вступать друг с другом в системные отношения. Или же они могут быть хронологически разведенными: в одном языке совпадающие значения могут сохраняться до нашего времени, в другом — утратиться в процессе семантической эволюции. И тем не менее, при всей условности понятия праславянский язык, стоящее за каждым праславянским словом семантическое пространство отнюдь не является аморфным, оно пронизано системой внутренних связей и регулярных отношений, развивающих потенции исконной лексической единицы в рамках типологических закономерностей, но отражающих также и результаты взаимодействия с другими единицами словаря и другими родственными языковыми идиомами.

Из всех категорий лексической семантики (таких как полисемия, синонимия, омонимия, антонимия и др.), категория синонимии наименее «привязана» к лексической системе одного языка, поскольку основанием синонимии служат не семантические отношения единицы лексической системы с другими единицами, а денотативная общность слов, их соотносительность с одним и тем же понятием, явлением, реалией или ситуацией внеязыковой действительности. Поэтому мы не можем говорить о полисемии или антонимии применительно к разным языкам, но можем говорить о синонимии в отношении разных языков или диалектов (т. е. о так называемых межъязыковых или междиалектных синонимах). Такой подход в зависимости от выбранного ракурса может носить либо этимологический, либо типологический характер; в первом случае круг лексики будет ограничен генетически общим корпусом лексем (лексико-словообразовательным гнездом), во втором — когнитивным членением избранных понятийных полей независимо от генетического родства сравниваемых языков.

Проблема синонимии, таким образом, в некоторой степени смыкается с задачами общей лексической (или лексико-семантической) типологии, дисциплины, которая в последнее время активно развивается и имеет уже значительные реальные результаты. Сравнивая лексику разных языков, мы можем в качестве общего основания использовать только экстралингвистические элементы (реалии, свойства, ситуации), а в качестве метода сравнения — «поиск параметров вариативности» (Рахилина, Плунгян 2007: 13). Иначе говоря, типологическим показателем будет служить то, какие свойства и признаки реалии или ситуации получают в том или ином языке лексическое выражение. При таком подходе синонимами в разных языках (родственных или неродственных) могут считаться те лексические единицы, которые в сравниваемых языках приложимы к одной и той же денотативной единице, независимо от того, что применительно к другим внеязыковым ситуациям они могут не совпадать. Например, праславянские глаголы **xoditi* / **jъti* и **laziti* имеют очень широкие семантические спектры, которые пересекаются лишь частично, но, например, их дериваты в значении 'вход' в современных славянских языках оказываются синонимичными: рус., укр., болг. *вход*, чеш., словац., словен. *vchod*, серб. *улаз*, макед. *влезој*, хорв. *улаз*; ср. еще болг. *вляза*, *влизам* 'войти', 'проникнуть', 'влезть', из чего следует, что исходные праславянские глаголы **xoditi* / **jъti* и **laziti* (**lazati*) обладают свойством синонимичности. Но применительно к праславянскому лексикону мы сможем опереться только на тот спектр значений в отдельных славянских языках, который представлен в ЭССЯ.

Когда речь идет о праславянской лексике, дело осложняется тем, что тождественность или нетождественность семантики лексической единицы мы можем устанавливать только на этимологическом уровне, отвлекаясь от разных способов словообразовательного, грамматического или морфологического оформления. Иначе говоря, синонимичными могут оказаться лексемы, реконструируемые как разные части речи, разные словообразовательные и морфологические модели и т. д. Это значит, что по существу речь идет либо о корневой, либо (что по существу то же самое) о гнездовой синонимии¹.

Установление синонимических отношений между единицами праславянского словаря (т. е. совпадающих значений в семантическом спектре

¹ Ср. анализ серии синонимичных праславянских гнезд: **plesti*, **vežti*, **verti*, **verzti* в статье А. А. Калашникова, где дается следующее заключение о характере гнездовой синонимии: «Есть реалии, обозначавшиеся, вероятно, словами только одного гнезда, например, **pletje* 'плечо'. В значительной части случаев одна и та же реалія обозначалась существительными нескольких гнезд. <...> Иногда же в нескольких гнездах представлены целые ряды образований, например, ограда, плетень, назывались **plotъ*, **o(b)plotъ*, **perplotъ*, **zaplotъ*, **o(b)plota*, **plety*, **perpletъ*, **poplěta*, **vora*, **vorъ*, **ob(v)ora*, **privora*, **zavora*. Ср. также многочисленные названия веревки, жгута, шнура, завязки в гнездах **verzti* и **vežati*» (Калашников 1994: 86). Относительно названия плеча автор не совсем прав, ср. в близком значении 'шея, задняя часть шеи, шейные позвонки' рус. диал. *вязы* (СРНГ 6: 77), укр. *в'язи*, бел. *вязы*, пол. *więzy*, словац. *väzu*. Русскому выражению *голова на плечах* соответствует украинское *голова на в'язах*: «Аби голова на в'язах, а розум буде» (Гринченко 1: 261).

разных слов) наталкивается и на трудности другого рода. В ЭССЯ слова толкуются на русском языке, и дефиниции цитируемых источников даются в переводе, что уже само по себе чревато неточностью толкований (и тем самым неадекватным соотношением с внеязыковой действительностью). Тем не менее даже сравнение таких дефиниций дает некоторый импульс к поиску синонимических отношений. Например, если мы видим, что в толковании глаголов **lězti*, **lazati*, **laziti* и их производных (ЭССЯ 14, 15) устойчиво повторяются значения ‘ходить’, ‘идти’, ‘передвигаться’, ‘подниматься вверх по поверхности’ (по земле, вверх, вниз), ‘карабкаться’, ‘ползти’, ‘входить внутрь, проникать’ и т. п., то мы получаем представление о том, что речь идет о той же общей ситуации перемещения в пространстве, что и в случае глагола **xoditi*/**jьti*, но о разных «параметрах вариативности», т. е. о включении дополнительных признаков, касающихся субъекта передвижения (человек, животное), направления (вверх, вниз), способа (медленно, прижимаясь к горизонтальной или вертикальной поверхности и т. п.). Более того, глагол с первичным значением ‘лезть’, ‘лазить’ может иметь общие значения не только с **xoditi*/**jьti*, но и с такими «специализированными» глаголами передвижения, как ‘ползать’ и даже ‘плавать’, ср. серб. *лазити* ‘ползать’, ‘медленно ходить, тащиться’, рус. диал. *лазить* ‘входить (в дом, в амбар)’, ‘быть способным ходить’, ‘бегать по лесу (в языке охотников)’ и др., пск. *лазка* ‘вход в подполье’ и др. (СРНГ 16: 244); олонекск. *плыть* ‘ползти (о змеях, насекомых, животных, человеке)’, ‘медленно, с трудом передвигаться, тащиться’ и т. п. (Тер-Аванесова 2011). Подобные примеры заставляют взглянуть на проблему праславянской синонимии, во-первых, с учетом лексической типологии и применительно к целому блоку словаря (лексико-семантическому полю)², а, во-вторых, с учетом регулярных моделей семантической деривации.

2. Словарь синонимов К Д. Бака и его славянская часть

Для славянской лексики пока еще нет словаря синонимов, подобного известному словарю индоевропейских синонимов К. Бака (Buck 1949), хотя такой словарь не только теоретически возможен, но и безусловно необходим. Более того, из его мысленного образа исходят многие наши представления о праславянской лексике. Необходимость обращаться к этому образу возникает у исследователя всякий раз, когда он, занимаясь тем или иным словом или группой слов (в этимологическом, ареалогическом, семасиологическом или этнокультурном аспекте), испытывает потребность узнать, какие другие слова, сочетания слов или конструкции способны выразить

² Можно привести несколько примеров успешной реализации такого подхода: *Aquation. Глаголы движения в воде: Лексическая типология*/Ред. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. Москва: Индрик, 2007; *Концепт боль в типологическом освещении*/Ред. В. М. Брицын, Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Г. М. Яворская. Київ, 2009; *Глаголы звуков животных: типология метафор*/Сост. Е. В. Рахилина. Москва: Языки славянской культуры, 2015.

ту же мысль, понятие, идею, обозначать те же реалии; эти знания составляют необходимый элемент семантической реконструкции. И только на общем фоне этого смыслового поля он может понять принципы его членимости и мотивационные модели номинации, лежащие в основе лексики данного поля. Иначе говоря, он не может упустить ономаσιологический план лексикологии. Неслучайно словарь Бака имеет подзаголовок «К истории идей». В сознании каждого исследователя словарь существует одновременно в двух его ракурсах — семасиологическом (от слова к значению) и ономаσιологическом (от значения к слову); в первом случае исследователя интересует семантическое поле слова, во втором — лексическое поле его денотата (понятия, явления, ситуации). Для изучения многозначности, семантического спектра и семантической структуры слова важен первый ракурс; для изучения синонимии и механизмов категоризации понятий — второй. Ономаσιологический словарь теоретически может быть как идеографическим, как словарь Бака (в этом случае встает дополнительная проблема классификации и рубрикации денотативной сферы), но в принципе может быть и алфавитным, тогда один из сравниваемых языков (или реконструируемый набор слов) становится языком-посредником. Во втором случае общая идеографическая схема, из которой исходит исследователь, остается имплицитной, но она все равно не может не приниматься во внимание при составлении словника.

Для практических нужд в качестве дополнения к этимологическому словарю славянских языков (в сущности сочетающему толковый и исторический принцип) необходим хотя бы самый схематичный словарь основных синонимов (т. е. межъязыковых соответствий) праславянской лексики. По масштабу охватываемой лексики такой словарь мог бы примерно равняться известному и очень полезному словарю основной общеславянской лексики Ф. Копечного (около 2000 слов) (Кореšny 1981) и служить его зеркальным отражением. Но в принципе (в дальнейшей перспективе) такой словарь межславянских синонимов должен был бы учесть не только литературные, но и диалектные слова, репрезентирующие соответствующие реалии и понятия (как это делают и этимологические словари славянских языков).

Костяк такого словаря славянских синонимов по существу содержится уже в словаре Бака, который, с одной стороны, является идеографическим, а с другой стороны, он подчинен этимологическому принципу, т. е. демонстрирует генетические связи индоевропейских языков (этот аспект словаря отражен прежде всего в этимологических комментариях). При этом необходимо учесть, что славянская часть этого словаря весьма редуцирована в нескольких отношениях. Во-первых, словарь включает материал не всех славянских языков, а только некоторых: именно: сербскохорватского (в его хорватском варианте), чешского, польского и русского, плюс — имеющиеся данные (естественно, весьма ограниченные) старославянского языка.

Во-вторых, Бак учитывает только данные литературных славянских языков, поэтому в него включена не только исконная общеславянская лек-

сика, но и относительно поздние заимствования (например, *школа, комната, кровать, базар, магазин, материя*) и новообразования (с.-х. *namještaj, rokičstvo*, чеш. *nábytek*, рус. *обстановка* и т. п.). Бак строит свой словарь по идеографическому принципу, что позволяет ему охватить все основные сферы экстралингвистической действительности: 22 тематических группы индоевропейских слов: мир природы, жизнь человека как физического, психического и социального существа, его физическую и умственную деятельность, круг абстрактных понятий, таких как пространство, время, число и количество и т. д. В словаре представлено более 1000 синонимических рядов. Даже с учетом названных выше ограничений (по составу славянских языков и отсутствию основных диалектных лексем) этот материал заслуживает анализа и интерпретации с точки зрения славянской лексикологии; он может быть показательным в нескольких важных отношениях, в том числе в этногенетическом и этнокультурном. Обратим внимание на число членов синонимических рядов и их структуру.

2.1. Безальтернативная лексика. На индоевропейском фоне славянские языки выделяются своим поразительным единством: среди всех синонимических рядов, включенных в словарь Бака, насчитывается огромное число позиций, представленных одним праславянским словом во всех рассмотренных славянских языках (это не значит, конечно, что у этих слов не может быть синонимов в отдельных языках). Такие ряды, состоящие из одного члена, встречаются в самых разных тематических рубриках (привожу примеры для краткости по-русски):

природа — *песок, море, озеро, река, свет 'lux', ветер, снег, лед, пламя, дым, пепел;*

термины родства: *дед, отец, внук, брат, сестра, свекор, сирота, вдова;*
названия животных: *овца, коза, осел, гусь, щенок, мышь, птица, рыба, волк, лев, медведь, лиса, олень, слон, пчела, муха;*

анатомия человека и животного: *тело, мясо, борода, рог, голова, мозг, ухо, нос, зуб, горло, рука, локоть, нога, ноготь, крыло, перо, вымя, пупок, сердце, яйцо;*

физиологические действия, свойства и продукты деятельности:

дышать, зевать, кашлять, чихать, плевать, лизать, спать, будить, родить, жить, умирать; слабый, здоровый. рана, ленивый, глухой, немой, слепой, пьяный, есть, голод, пить, сосать, мешать, печь, котел, тесто, молоть;

пища: *мясо, говядина, соль, мед, масло, вино, пиво;*

растения: *яблоко, груша, липа, орех, ягода, корень, лист, цвет, береза, трава, пшеница, ячмень, кукуруза, рис;*

физические действия и состояния, орудия и материалы: *прясть, шить, игла, шило, нить, бритва, ключ, свеча, орать 'пахать', борозда, копать, вилы, грабли, борона, сеять семя, жать, серп, тереть,*

лить, мести, метла, тесать, доска, ковать, золото, серебро, глина, плести, долото, пасти, трясти, плыть, плавать, лететь, идти, нести, расти, мощь, весло, дать, иметь, пустить, лежать, сидеть, стоять, оставить;

имущественные отношения: *красть, богатство, богатый, долг, доход, цена, купить, продать, дорогой;*

свойства и положение в пространстве: *высокий, низкий, верх, дно, сторона, бок, далеко, запад, велик, мал, долгий, краткий, широкий, редкий, глубокий, узкий, плоский, левый;*

время, число, количество: *мало, полный, пол (половина), один, первый, три, новый, восток, перестать, часто, день, ночь, полдень, вечер, утро, вчера, неделя, понедельник, вторник, четверг, пятница, суббота, месяц, зима;*

свойства: *сладкий, горький, кислый, темный, белый, черный, твердый, мягкий, гладкий, острый, зеленый, тупой, тяжкий, легкий, мокрый, сухой, чистый, неясный, тайный;*

состояния и занятия: *видеть, слушать, радость, смеяться, играть, плакать, слеза, хотеть, грех, вина, хвала, мудрый, учиться, школа, петь, язык, имя, книга, страна (страница);*

социальные институты: *город, царь, князь, сосед, гость, помощь, мир, поражение, оборона, засада, право, суд, судить, судья, бог, молиться, святой, крестить, постить(ся), ангел.*

Сам по себе перечень этих кардинальных для архаического состояния языковой и культурной традиции сфер жизни и понятий показателен.

Высокий процент по существу безальтернативной лексики в славянских языках обеспечивает соответствующий показатель лексической близости славянских языков (Журавлев 1994). Столь же высокую степень близости славянских языков обнаруживает статистический анализ их ядерных лексиконов (Меркулова 2017).

С другой стороны, общий корпус лексики демонстрирует отнюдь не случайное распределение по идеографическим рубрикам, что позволяет реконструировать на его основе существенные черты праславянской материальной и духовой культуры (Журавлев 1996; 1998; 1999).

В некоторых синонимических рядах Бака сопоставляемые языки имеют по два «внутренних» славянских синонима, например: для понятия 'узкий' **oъzъkъ* и **těsъnъ*, что с большой вероятностью свидетельствует об их синонимическом статусе в праславянском. То же можно сказать об устойчивых синонимических отношениях между ст.-слав. *rězati, sešti, krojiti* — с.-х. *rezati, sjeci* — чеш. *rezati, krajeti, sekati* — пол. *krajać, rznąć, rąbać, ciąć, siec* — рус. *рубить* (необходимо добавить *сечь*).

Кроме того, есть немало рядов, в которых лексическое единство славянских языков нарушается только одним отклонением, например: в номинации дерева выделяется чеш. *strom*, в названии месяца (луны) — пол.

księżyc (отчасти и рус. *луна*), в номинации женщины — пол. *kobieta*, в названии курицы — чеш. *slépice*, в названии глаза — рус. *глаз*, в названии шерсти — рус. *шерсть*, в ряду наименований хлеба — хорв. *kruh*. Для понятия ‘густой’ во всех языках представлено прилагательное **gostь*, а в ст.-слав. **čęstь*; рус. *прыгнуть* выделяется на фоне общего для остальных языков **skočiti* и т. п. (здесь учитываются только данные словаря Бака).

2.2. Структура синонимических рядов (распределение синонимов по языкам). При наличии разных языковых единиц в славянских языках для обозначения одного и того же денотата мы можем видеть их распределение по языкам и разного типа ареальные противопоставления, например, противопоставление южнославянских и севернославянских языков или западно- и южнославянских и — восточнославянских, или какие-то более эксклюзивные соотношения, что немаловажно для изучения славянского глоттогенеза. Например, понятие ‘мелкий (неглубокий)’ выражается в ст.-слав., чешском, польском и русском словом **měľькь*, а в с.-х. и пол. соответственно *plitak* и *plytki*. Ср. еще ареально распределенные ряды: *oxotiti se — loviti — polovač, čěliti — lěčiti — goiti, dver’ — vrata, okno — prozor, žito — obilí — zbože — chleb* и т. п.

Можно привести еще некоторые регулярные соответствия между славянскими языками в распределении синонимов типа *бежать* и *течь*, *класть* и *ставить*, *конец* и *край*, *слышать* и *чують* (**čuti*), *сыпать* и *лить*, *жечь* и *палить* и т. п. Анализом синонимических рядов сербскохорватской лексики на общеславянском фоне успешно занимается Е. И. Якушкина (Якушкина 2020).

В принципе ту же и гораздо более точную географическую информацию можно получить из «Общеславянского лингвистического атласа» (его лексической серии), но этот источник, с одной стороны, гораздо уже и избирательнее по охвату тематических полей, а, с другой, наоборот, он гораздо богаче, т. к. включает не только литературные, но и (прежде всего) диалектные свидетельства. Например, на карте L 1918 (ОЛА 2020) «большой (по размеру или по объему)» представлен следующий синонимический ряд: *velikъ — большой — sь-dorv-ъ — golěmъ — dužь — єdrь — godьнь — materъ — grubъ — obgromънь — gromadънь — tučьнь — grqzънь — orst-ľь — tьľstь — krupънь — dьľgъ — nagľь*, тогда как в словаре Бака мы находим для этого понятия несравненно более скромный лексический ряд: для сравниваемых языков на фоне единой лексемы **velikъ* выделяется только рус. *большой*.

Многие синонимические ряды из словаря Бака отличаются полным несходством по языкам, что означает, что соответствующие реалии или понятия в них получили свою номинацию сравнительно поздно: *zapalka — žigica — sirka — šibica — спичка или kartofel — bulba — krompir — ziemniak*³.

³ Здесь нельзя не вспомнить известную работу А. В. Исаченко по лексической типологии славянских литературных языков, сравнивающую названия новых (или новопоиме-

2.3. Тематическая группировка синонимических рядов. Такие разнородные ряды характерны для номинации разных понятийных категорий: общие понятия

věšť — stvar — věc — rzecz — вещь, дело
odežda — riza — ruho — haljine — šaty — oděv — suknie — platje
skot — stoka — dobytek — bydlo⁴
семья — rodina, obitelj — porodica, dom
ткань — platъ — sukno — rǫbъ — čoha — latak, látka — chusta — материя

конкретные понятия

источникъ — ключъ — извор, колодец, студенец — pramen — źródło — родник
trup — tělo, navъ — leš — mrtvac, mrtvola — ciało

действия

tvoriti, dělati — činiti, raditi — praviti — robiti
tiskati — žeti — gnesti — tlačiti — davit'
jęti — xvatiti — grabiti — xytiti — хопити
plъziti, (prě)smykati sę — puzati, gmizati, plaziti se — lézti — pełzać, czołgać się — пресмыкаться, ползать.

признаки

debelъ — debeo — tłusty — gruby — толстый; skorъ — brz — hitar — rychlý — prędki — szybki — быстрый, скорый, шибкий;

отвлеченные понятия

ст.-слав. *образъ* — с.-х. *oblik, lik* — чеш. *podoba, tvar* — пол. *kształt, postać* — рус. *образ, вид.*

Анализ таких синонимических рядов представляет интерес с нескольких точек зрения. Во-первых, существенно то, к каким именно тематическим сферам такие разнородные ряды относятся (например, в большей степени к абстрактным и общим понятиям, в меньшей степени — к конкретным реалиям и каким именно). Во-вторых, такие ряды демонстрируют разные мотивационные модели и способы номинации одних и тех же внеязыковых сущностей, что важно как в когнитивном и этнолингвистическом плане, так и с точки зрения лексической типологии. В-третьих, важно то, как эти синонимы соотносятся семантически, географически, хронологически (исторически), как они связаны с этнокультурными представлениями. В свое время Н. И. Толстой показал, что на основании анализа названий годовых сезонов в разных славянских языках и семантики соответствующих слов (единые для всех языков номинации для зимы и лета и разные

нованных) реалий в славянских языках, таких как *перо, ручка, карандаш, железная дорога, картофель, сетчатка глаза* и др. (Исаченко 1958). К сожалению, это направление не получило продолжения в славистике.

⁴ Здесь можно было бы добавить в.-слав. *худоба* — *товар* — бел. *жывёла* — серб. *марва, благо* — пол. *inwentarz* и др.

для весны и осени) реконструируются древние представления о членении года на два (зима — лето), а не четыре сезона (Толстой 2003).

Здесь можно вспомнить еще пример Бенвениста: славянские (особенно русские) названия свиньи и поросенка, восходящие к двум и.-е. названиям свиньи (**su-* и **porc-*), идеально отражают их исконную семантику: ‘взрослое животное’ и ‘молодое животное’ (тогда как на материале многих других индоевропейских языков делались предположения о другом их семантическом соотношении, а именно: ‘домашняя свинья’ и ‘дикая свинья’) (Бенвенист 1995).

Очевидно, что даже тот ограниченный материал синонимии славянских языков, который содержится в словаре К. Д. Бака, может быть предметом специального семантического, словообразовательного, этимологического, исторического и этнолингвистического исследования. Например, названия ткацкого стана, разные в разных языках, указывают не только на одновременность возникновения соответствующих орудий и их номинаций, но и их разные источники и мотивационные модели: *postavъ* — *krosna* — *stan* — *razboj* — *stav* — *warsztat* — *stanok*; ср. также названия производственных действий: *krasiti* — *bojadisati* — *farbati* — *barwiti* и т. д. Семантический ряд названий беременной женщины: *беременная* — *neprazna* — *trudna* — *bređa* — *noseća* — *těhotná*, *březi* дает возможность наблюдений над вторичной, (в основном эвфемистической) номинацией. Потенциал таких семантических рядов значительно возрастет в связи с подключением данных из остальных славянских языков и тем более диалектов. Очевидно, что привлечение лексического материала всех славянских языков не только дополнит, но и скорректирует картину славянских синонимов.

3. Аспекты и перспективы изучения синонимических рядов в праславянской лексике

Анализ синонимических рядов (пра)славянской лексики по материалам ЭССЯ дает возможность реконструировать характерные для языковой номинации каждой сферы действительности мотивационные модели и релевантные признаки, положенные в основу номинации. Приведу примеры некоторых синонимических рядов, которыми мне приходилось заниматься подробнее; в них учтены данные большинства славянских языков и частично диалектов.

3.1. Синонимический ряд глаголов речи, включает следующие лексемы: **govoriti*, **kazati*, **rekti*, **mъlviti*, **povedati* / **poveděti*, **praviti*, **golgolati*, **velěti*, **besědovati*, **dumati*, **sъbъrati* / **sъbirati*, словац. *vrvaviet'*. В каждом славянском языке может быть выделено несколько «основных» глаголов, которые своей частотностью, синтаксической поливалентностью, полифункциональностью и полисемантической резко контрастируют с остальными единицами словаря *dicendi*, отличающимися несравненно меньшей частотой, более специализированными значениями и закрепленностью

за ограниченным кругом речевых ситуаций и контекстов (ср., например, значения и узус рус. *молвить, гласить, заявлять, бубнить, шептать* и т. п.). Этимологический анализ позволяет выявить в этом ряду глаголов следующие мотивационные модели номинации: 1) ‘шуметь, издавать звук’ → ‘говорить’ (**govoriti*, **mъlviti*, **golgolati*, словац. *vrviet* ‘говорить’ [Králik 2015: 669]); 2) ‘указывать, узнавать, помечать’ → ‘говорить’ (**kazati*, **povedati*); 3) ‘брать, собирать’ → ‘понимать, читать’ → ‘говорить’ (макед. *збор, зборувам* от **zъbъrati*); 4) ‘делать’ → ‘говорить’ (**praviti*); 5) ‘сидеть, общаться’ → ‘говорить’ (**besédovati*); 6) ‘думать’ → ‘говорить’ (болг. *дума* ‘слово’, диал. *думам* ‘говорю’ (БЕР I: 446)); 7) ‘хотеть, изъявлять волю, желание’ → ‘говорить’ (**velěti*). Показательно, что большинство этих глаголов являются деноминативами, и, следовательно, столь важное отличительное свойство человека, как способность говорить и сама «деятельность» говорения, не имели в праславянском собственного обозначения, кроме **rekti*. Подробнее см. (Толстая 2019: 191–215).

3.2. Синонимический ряд для понятия «любить» и «любовь» включает основные лексемы (гнезда) с этим значением: **l’ub-* (рус. *любить, любовь*), **mil-* (польск. *miłość*), **lask-* (чеш. *láska*), **kox-* (польск. *kochać*), **vol-* (с.-х. *волети*) и **vyk-* (болг. *обич* < **ob-vyk*), а также, во вторую очередь: **dorg-* (болг. *драгувам* ‘любить’), **drug-* (рус. диал. *дружник* ‘любовник’), **xot-* (рус. *похоть*), **gal-* (болг. *галя* ‘любить’), **god-* (с.-х. *годити* ‘нравиться’, рус. *угодный*), **norv-* (рус. *нравиться*), *(*po*)*dob-* (польск. *podobać się*), **prijat-* (рус. новг. *приятка* ‘возлюбленный, возлюбленная’), **žal-* (рус. диал. *жалеть* ‘любить’). Этимологический и семантический анализ этого ряда номинаций позволяет выделить ключевые для данного семантического поля смыслы (мотивы) — желания, хотения (**xotěti*, **volěti*, **želati*, **želěti*); заботы, опеки (**l’ub-*, **mil-*, **kox-*), физического контакта как способа выражения чувства (**kox-*, **lask-*, **l’ub-*), сострадания, жалости (**mil-*, **žal-*), привычки, обычая, нрава (**ob-vyk-*, **norv-*), радости и удовольствия (**l’ub-*, **dorg-*, **kox-*) Подробнее см. (Толстая 2019: 216–238).

3.3. Синонимический ряд глаголов со значением ‘искать’ в славянских языках включает гнезда: **ъjsk-* (ст.-слав., др.-рус. *искати*, рус. *искать*, с.-х. *искаѣти*, словен. *iskati*), **šuk-* (польск. *szukać*, укр. *шукати*, белор. *шукать*), **ględ-* (чеш. *hledat*, словац. *hľadať*), **trag-* (с.-х. *ѣтражѣти*), **irs-* (болг. *търся*), **bar-* (болг. *барам*, макед. *бара*), **dъr-* (болг. *дуря*, серб. *дирати*), **sok-/sak-* (макед. *сака*, болг. *сакам*, с.-х. *сочѣти*, укр. *сочити*, белор. *сачыць*, рус. диал. *сачить, сочить*). Для того чтобы понять логику этих номинаций и их мотивировок, необходимо обратиться к исходной ситуации поиска и способам ее категоризации. К числу наиболее релевантных признаков относятся: состояние субъекта поиска, его желание, стремление, намерение (ср. болг. *искам* ‘хотеть’), потребность найти что-то или кого-то; характер объекта поиска (конкретный, известный предмет или неопределенный, т. е. объект выбора); характер самого предиката (действие или состояние; дей-

стве, производимое руками, ногами, глазами, ср. чеш. *hledat*, словац. *hl'adat'* в значении 'искать' и т. п.). Подробнее см. (Толстая 2019: 153–172; ЕВРика 2018).

3.4. Лексическое поле пищи включает следующие основные группы (гнезда) праславянских имен и глаголов: **ed-* (*еда, есть*), **kъrm-* (*корм, кормить*), **pit-* (*питать, пища*), **trav-* (польск. *strawa*), **syť-* (*сытый, насыщать*), **xorn-* (юж.-слав. *храна, храниѣи*, кашуб. *xarna*), **živ-* (польск. *pożywienie*, чеш. *živit*), **sil-* (польск. *posilek*), **krěp-* (польск. *krzepić*). Эта разнородность означает, что соответствующие номинации сложились не в праславянском, а в отдельных славянских языках, и довольно поздно, хотя использовались при этом лексические ресурсы очень древние — праславянские и индоевропейские. Кроме этих основных номинаций в славянских языках и диалектах существуют и другие лексические единицы с общим значением 'кормить(ся)' и 'питать(ся)', у которых пищевые значения находятся на периферии их семантических спектров. Таковы, например, **pasti*, **godovati*, **xovati*, **bergti*, **stergti*, **gojiti*.

Семантический спектр этого поля, помимо собственно пищевых значений, включает продукты регулярных семантических моделей: каузативы со значением 'давать пищу' (**kъrmiti*, **xorniti*, производные от соответствующих имен со значением 'еда, пища'); 'держат, содержать, разводить скот' (**xovati*, **pasti*, **godovati*, а также **bergti*, **stergti*); 'делать сытым, насыщать' (глаголы, производные от причастных форм **syťь*, **pitьь*); 'каузировать жизнь, наделять жизнью, жизненными силами' (дериваты именных основ **živ-*, **sil-*, **krěp-*). Эта лексика обнаруживает устойчивую семантическую связь кормления с мотивами содержания, заботы, защиты, сохранения, наблюдения, ухода, лечения, воспитания, возвращения и т. п. Подробнее см. (Толстая 2019: 239–261).

3.5. Синонимический ряд со значением 'ошибка', 'ошибаться' включает гнезда: **blazn-* (ст.-слав. *блaзнъ, блaзна*), **blęd-* (польск. *bląd*), **grěx-* (юж.-слав. *грѣшка*), **хуб-* (чеш. *chyba*, укр. *хиба*), **мах-* (рус. *промах*, серб. *йромашиѣи*), **myl-* (польск. *omyłka, potyłka*, чеш., словац. *omyl*), **šib-* (рус. *ошибка, ошибаться*). Одни из этих номинаций могут быть отнесены к общеславянскому лексическому фонду (таковы **grěx-*, **blęd-*, **blazn-*), другие характерны для одной группы языков (как зап.-слав. **myl-*), третьи ограничены рамками одного языка (рус. *ошибка*). Большая часть перечисленных этимологических гнезд имеет широкий спектр значений, причем семантика ошибки, как правило, не является для них главной, а может быть вполне периферийной. Совокупное семантическое пространство, очерчиваемое лексикой ошибок, оказывается чрезвычайно широким, но в нем отчетливо выделяются повторяющиеся мотивы, внутренне связанные с понятием ошибки и определяющие типы ошибок (потеря направления, непопадание в цель, колебание), причины совершения ошибки (помрачение сознания, воздействие на субъекта внешних сил, обман, соблазн), последствия ошиб-

ки для объекта действия (недостаток, ущерб) и для самого субъекта (вина, преступление). Повторяемость этих мотивов в разных гнездах свидетельствует об их внутренней связи на концептуальном уровне, на уровне понятий и представлений о мире и человеке, традиционной системы ценностей и нормативов поведения. Подробнее см. (Толстая 2019: 261–288).

3.6. Если далее рассмотреть семантические спектры каждого из перечисленных гнезд, то мы получим представление о том, как членится и концептуализируется соответствующее смысловое пространство лексически-ми средствами разных славянских языков, какие признаки обозначаемых реальных ситуаций становятся релевантными для языковой номинации (каковы «параметры вариативности») и как соотносятся между собой разные единицы общеславянского лексикона (разные члены межславянского синонимического ряда).

Как и в лексической системе одного языка, в общеславянском лексиконе существуют многозначные слова, разные значения которых могут входить в состав разных синонимических рядов, образуя своего рода синонимическую сеть. Например, глагол **xorniti* может быть членом следующих синонимических рядов: 1) со значением ‘хоронить, погребать’ (**xorniti — *xovati — *grebti — *kopati — *klasi — *prętati — *gojiti — *kojiti — *ryti — *valiti*), 2) со значением ‘кормить, содержать’ (**xorniiti — *krmiti — *xovati — *gojiti — *pasti, —*bergti*) и 3) со значением ‘сохранять, беречь’ (**xorniti — *pasti — *prętati — *bergti*). Совокупное семантическое пространство этих рядов оказывается очень широким, и некоторые его звенья как будто не имеют между собой никаких смысловых связей, например, значения ‘хоронить’ и ‘кормить’ у глагола **xorniti* (ср. рус. *хоронить, похороны* и серб. *хранити, храна*). Однако анализ этих рядов показывает, что подобные связи можно считать закономерными и мотивированными метонимическими отношениями между обозначаемыми ситуациями. Если в гнезде **xorniti* пищевые значения непосредственно связываются с семантикой защиты (и далее сохранения, сбережения) через идею, так сказать, каузации жизни, то в гнезде **xovati* эти два смысла (‘пища’ и ‘защита’) соединяются в значении ‘пасти скот, кормить его, выхаживать’, и далее ‘растить, разводить’. Устойчивость этой связи подтверждает семантический спектр глагола **pasti*, в котором при основном значении ‘пасти, кормить (скот)’ широко распространено значение ‘хранить, охранять, спасать’. Что же касается семантики погребения, то она, как кажется, представляет собой продукт семантической деривации на основе значения ‘прятать, укрывать’, органически вписывающегося в семантическую структуру гнезд **xorniti* и **xovati* и связанного с доминантным понятием защиты. Для **prętati* маргинальное значение ‘хоронить’ продолжает его главное значение ‘убирать, скрывать, отправлять’. Подробнее см. (Толстая 2019: 41–61).

3.7. Еще один аспект проблемы праславянской синонимии связан с явлением семантического параллелизма, или системной (гнездовой) синони-

мии, когда некоторые лексемы (или гнезда) вступают в синонимические отношения не в отдельных своих значениях, а сразу в нескольких (или даже во всех) своих значениях (как **xorniti* и **xovati* в предыдущем примере). Параллелизм праславянских гнезд **kras-* и **květ-* обнаруживается при последовательном сравнении их семантических спектров в разных языках. Выделяются четыре группы значений (ситуаций, денотативных сфер), в которых члены обоих гнезд используются для номинации одних и тех же явлений или объектов реального мира. К таким общим сферам относятся: 1) вегетация растений (ср. рус. *цвет, цвести*, серб. *цвети, цвасићи*, пол. *kwiat, kwitnąć* и бел. *краса, краска* ‘цветение злаковых растений, садов’); 2) физиология человека (ср. в значении ‘кровь’: рус. диал. *краска* и *цвет*, в значении ‘румянец’, ‘здоровый цвет лица’: рус. *краски*, укр. карпат. *цвет*, в значении ‘менструация’, рус. диал. *краска* ‘то же’, серб. *женски цвети, месечни цвети* и т. п.); 3) свадьба (рус. *краса, красота* ‘лента, символ девичества’, укр. *квітка* ‘веночек просватанной девушки’, пол. *panienski kwiatek* ‘девичество’); 4) свет и цвет (рус. диал. *красный* ‘ясный, солнечный’, серб. *цвети* ‘пламя свечи’ и т. п.).

Столь же отчетливый параллелизм обнаруживают гнезда **glux-* и **slěp-*, синонимия которых (ср. *слепая улица, глухой забор* и т. п.) основывается на семантике закрытия, преграждения пути. О явлении семантического параллелизма см. подробнее (Толстая 2008: 99–172).

Явление семантического параллелизма не позволяет исследователю ограничиться сугубо денотативным (ономасиологическим) аспектом синонимии, выбираемом при типологическом взгляде на вещи, поскольку для многозначных лексических единиц синонимические отношения оказываются неотделимыми от явления многозначности и задачи семантической реконструкции, т. е. этимологического взгляда на вещи. Попытку согласовать эти два подхода (типологический и семантический) более полувека тому назад предпринял Н. И. Толстой, предложивший для типологического изучения славянской лексики метод анализа семантических микрополей, выделяемых не на логико-понятийном основании, а на основании семантического спектра «опорного» слова семантического микрополя. Например, лексема **godina* служит опорной лексемой для семантического микрополя, в которое входят понятия (смыслы, семантические единицы) ‘дождь’, ‘время’, ‘погода’, ‘год’, ‘час’, выражаемые также другими лексемами, которые тем самым вступают в синонимические отношения с лексемой **godina*, а нередко и с другими лексемами этого поля (Толстой 1997).

4. Заключение

Таким образом, проблема синонимии праславянской лексики имеет несколько автономных аспектов — теоретический (понятие синонимии и синонимического ряда применительно к реконструированному праславянскому языку, методика выявления и анализа синонимических рядов,

типы синонимических рядов, соотношение синонимии и многозначности, типологическая верификация синонимических отношений и др.) и практический (создание разного объема и назначения синонимических словарей славянских языков). Мне кажутся насущно необходимыми для дальнейших этимологических и этнолингвистических исследований общеславянской лексики два типа межъязыковых синонимических словарей славянской лексики: один, ориентированный на этимологические задачи и отражающий синонимию реконструируемого праславянского языка, и другой — элементарный синонимический словарь общеславянской лексики, ориентированный на типологические задачи (в духе упоминавшейся работы Исаченко по лексической типологии). И тот и другой словарь не только имели бы практическое значение в качестве источников, но и открывали бы большие возможности для постановки и решения теоретических вопросов славянской лексикологии. Эти два аспекта — этимологический и типологический — тесно связаны друг с другом. Еще раз сошлюсь на О. Н. Трубачева: «...этимология и связанная с ней реконструкция древнего значения важна не только сама по себе и для себя, но и для полного адекватного анализа современного значения слова, и это отражает интереснейшую, еще недостаточно исследованную сторону языка, когда древние связи происхождения, забываемые в коммуникации, латентно живут и периодически маркируются в словоупотреблении, в разных стилях речи» (Трубачев 2004: 118). Можно добавить, что в синонимических рядах праславянской лексики заключен огромный потенциал для выявления этих древних связей и их семантической и типологической интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист Э. «Лексическая оппозиция *sus* : *rogus* и ее пересмотр». Бенвенист Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. Москва, 1995: 38–44.
- БЕР — Български етимологичен речник. София, 1971–. Т. 1–.
- Гринченко Б. Л. (ред.). *Словарь украинского языка*. Т. 1–4. Киев, 1907–1909.
- ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. Москва: Лабиринт, 2018.
- Журавлев А. Ф. *Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства*. Москва: Индрик, 1994.
- Журавлев А. Ф. «Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики». *Очерки истории культуры славян*. Москва: Индрик, 1996: 116–144. [То же в кн.: Журавлев А. Ф. *Эволюции смыслов*. Москва: Языки славянских культур, 2016: 39–64].
- Журавлев А. Ф. «К реконструкции древнеславянского мировидения (о категориях «доли» и «меры» в их языковом и культурном выражении)». *Проблемы славянского языковедения. Три доклада к XII Международному съезду славистов*. Москва: Институт славяноведения, 1998: 71–87. [То же в кн.: Журавлев А. Ф. *Эволюции смыслов*. Москва: Языки славянских культур, 2016: 85–95].
- Журавлев А. Ф. «Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики». *Славянское и балканское языковедение. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры*. Москва: Индрик, 1999: 7–32. [То же в кн.: Журавлев А. Ф. *Эволюции смыслов*. Москва: Языки славянских культур, 2016: 65–83].
- Исаченко А. В. «К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков». *Slavia* 27/3 (1958): 334–352.

- Калашников А. А. «Из истории славянских синонимов». *Этимология. 1991–1993*. Москва: Наука, 1994: 79–88.
- Меркулова И. А. *Лексическая нуклеология славянских языков*. Дисс. докт. филол. наук. 2017 г. ОЛА — *Общеславянский лингвистический атлас*. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 12. Личные черты человека. Москва — Санкт-Петербург, 2020.
- Рахилина Е. В., Плунгян В. А. «О лексико-семантической типологии». Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.). *Aquamotion. Глаголы движения в воде: Лексическая типология*. Москва: Индрик, 2007: 5–26.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Москва — Ленинград, 1965–. Вып. 1–.
- Тер-Аванесова А. В. «Плыть и глаголы плавания в архангельских говорах». *Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию А. Ф. Журавлева*. Москва: Индрик, 2011: 337–341.
- Толстая С. М. *Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе*. Москва: Индрик, 2008.
- Толстая С. М. *Мир человека в зеркале языка*. Москва: Индрик, 2019.
- Толстой Н. И. «Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. I–II». Толстой Н. И. *Избранные труды*. Т. I. Славянская лексикология и семасиология. Москва: Языки русской культуры, 1997: 44–100.
- Толстой Н. И. «Времени магический круг (по представлениям славян)». Толстой Н. И. *Очерки славянского язычества*. Москва: Индрик, 2003: 27–36.
- Трубачев О. Н. «Реконструкция слов и их значений». Трубачев О. Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. Т. 1. Москва: Языки славянских культур, 2004: 107–122. (первая публикация: *Вопросы языкознания* 3 (1980)).
- Трубачев О. Н. «О семантической теории в этимологическом словаре. Проблема омонимов подлинных и ложных и семантическая типология». Трубачев О. Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. Т. 1. Москва: Языки славянских культур, 2004: 441–452.
- Якушкина Е. И. *Сербскохорватская лексика в общеславянском контексте*. Дисс. докт. филол. наук. Москва: МГУ, 2020.
- Buck C. D. *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. A Contribution to the History of Ideas*. Chicago — London, 1949.
- Kopečný F. *Základní všeslovanská slovní zásoba*. Praha: ACADEMIA, 1981.
- Králik L. *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava, 2015.

REFERENCES

- Benvenist E. «Leksichesкая оппозиция sus : porcus i ee peresmotr». Benvenist E. *Slovar' indoevropskikh social'nyh terminov*. Moskva, 1995: 38–44.
- BER — *B'lgarski etimologichen rechnik*. Sofiya, 1971–. Т. 1–.
- Buck C. D. *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. A Contribution to the History of Ideas*. Chicago — London, 1949.
- EVRika! Sbornik statej o poiskah i nahodkah k jubileju E. V. Rahilinoj*. Moskva: Labirint, 2018.
- Grinchenko B. L. (red.). *Slovar' ukraïnskogo yazyka*. Т. 1–4. Kiev, 1907–1909.
- Isachenko A. V. «K voprosu o strukturnoj tipologii slovarnogo sostava slavyanskikh yazykov». *Slavia* 27/3 (1958): 334–352.
- Kalashnikov A. A. «Iz istorii slavyanskikh sinonimov». *Etimologiya. 1991–1993*. Moskva: Nauka, 1994: 79–88.
- Kopečný F. *Základní všeslovanská slovní zásoba*. Praha: ACADEMIA, 1981.
- Králik L. *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava, 2015.
- Merkulova I. A. *Leksichesкая nukleologiya slavyanskikh yazykov*. Diss. dokt. filol. nauk. 2017 g. OLA — *Obshcheshlavyanskij lingvisticheskij atlas*. Seriya leksiko-slovoobrazovatel'naya. Vyp. 12. Lichnye cherty cheloveka. Moskva — Sankt-Peterburg, 2020.
- Rahilina E. V., Plungyan V. A. «O leksiko-semanticheskoy tipologii». Majsak T. A., Rahilina E. V. (red.). *Aquamotion. Glagoly dvizheniya v vode: Leksichesкая tipologiya*. Moskva: Indrik, 2007: 5–26.
- SRNG — *Slovar' russkikh narodnyh govorov*. Moskva — Leningrad, 1965–. Vyp. 1–.

- Ter-Avanesova A. V. «Plyt' i glagoly plavanija v arhangel'skih govorah». *Slova. Koncepty. Mify. K 60-letiju A. F. Zhuravleva*. Moskva: Indrik, 2011: 337–341.
- Tolstaya S. M. *Prostranstvo slova. Leksichesкая semantika v obshchесlavjanskoj perspektive*. Moskva: Indrik, 2008.
- Tolstaya S. M. *Mir cheloveka v zerkaleazyka*. Moskva: Indrik, 2019.
- Tolstoj N. I. «Iz opytov tipologicheskogo issledovaniya slavyanskogo slovarnogo sostava. I–II». Tolstoj N. I. *Izbrannye trudy*. T. I. Slavyanskaya leksikologiya i semasiologiya. Moskva: YAzyki russskoj kul'tury, 1997: 44–100.
- Tolstoj N. I. «Vremeni magicheskij krug (po predstavleniyam slavyan)». Tolstoj N. I. *Ocherki slavyanskogo yazychestva*. Moskva: Indrik, 2003: 27–36.
- Trubachev O. N. «Rekonstrukciya slov i ih znachenij». Trubachev O. N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istorija. Kul'tura*. T. 1. Moskva: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2004: 107–122. (pervaya publikaciya: *Voprosy yazykoznanija* 3 (1980)).
- Trubachev O. N. «O semanticheskoy teorii v etimologicheskom slovare. Problema omonimov podlinnyh i lozhnyh i semanticheskaya tipologiya». Trubachev O. N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istorija. Kul'tura*. T. 1. Moskva: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2004: 441–452.
- Zhuravlev A. F. *Leksiko-statisticheskoe modelirovanie sistemy slavyanskogo yazykovogo rodstva*. Moskva: Indrik, 1994.
- Zhuravlev A. F. «Material'naya kul'tura drevnih slavyan po dannym praslavyanskoy leksiki». *Ocherki istorii kul'tury slavyan*. Moskva: Indrik, 1996: 116–144. [To zhe v kn.: Zhuravlev A. F. *Evolucii smyslov*. Moskva: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2016: 39–64].
- Zhuravlev A. F. «K rekonstrukcii drevneslavjanskogo mirovideniya (o kategoriyah “doli” i “mery” v ih yazykovom i kul'turnom vyrazhenii)». *Problemy slavyanskogo yazykoznanija. Tri doklada k XII Mezhdunarodnomu s'ezdu slavistov*. Moskva: Institut slavyanovedeniya, 1998: 71–87. [To zhe v kn.: Zhuravlev A. F. *Evolucii smyslov*. Moskva: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2016: 85–95].
- Zhuravlev A. F. «Drevneslavjanskaya fundamental'naya aksiologiya v zerkale praslavyanskoy leksiki». *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Problemy leksikologii i semantiki. Slovo v kontekste kul'tury*. Moskva: Indrik, 1999: 7–32. [To zhe v kn.: Zhuravlev A. F. *Evolucii smyslov*. Moskva: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2016: 65–83].
- Yakushkina E. I. *Serbskohorvatskaya leksika v obshchесlavjanskom kontekste*. Diss. dokt. filol. nauk. Moskva: MGU, 2020.

Светлана Толстој

ПРОБЛЕМ СИНОНИМИЈЕ У ПРАСЛОВЕНСКОЈ ЛЕКСИЦИ

Резиме

Чланак је посвећен теоријским и практичним питањима проучавања синонимије прасловенске лексике, реконструисане у „Етимолошком речнику словенских језика“. Познати речник изабраних индоевропских синонима К. Д. Бака садржи непотпун материјал о словенским језицима (заступљени су тек поједини језици и то само у својој књижевној варијанти), али чак и он даје могућност да се дође до одређених закључака о појави синонима у словенским језицима. У чланку су на неколиким примерима (синонимски нивои глагола говорења, лексика са значењем „воleti, љубав“, „тражити“, „хранити“, „грешка, грешити“) представљене могуће интерпретације синонимских нивоа уз употребу појмова и поступака савремене семантике и семантичке реконструкције.

Кључне речи: словенски језици, прасловенски језик, лексика, семантика, синонимија, семантичка реконструкција, етимологија, етимолошко гнездо, лексичка типологија.